

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ БЕЗЗАЩИТНОЙ КРАСОТЫ

Встреча с ответственными
«Общения и освобождения» в Италии
Паченго-ди-Лацизе (Верона), 15 февраля 2015 г.

Хулиан Каррон

«По-прежнему ли мы, христиане, верим в способность полученной нами веры привлекать тех, кого мы встречаем, верим ли мы в побеждающую притягательность ее беззащитной красоты?» (Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. *Corriere della Sera*. 13 февраля 2015 г.). Мы не должны считать ответ на этот вопрос само собой разумеющимся. Он еще не найден – это подтверждается всякий раз, когда перед лицом той или иной ситуации мы спрашиваем себя, что нужно делать. Ничто не свидетельствует об отсутствии ответа лучше, чем фраза «что делать?». У нас есть одно дело, только одно: обращаться, позволять той притягательности, ради которой мы здесь, вновь завоевывать нас. Все остальное – лишь следствие. В определенный момент вера очаровала нас, увлекла своей беззащитной красотой, о которой говорилось во вчерашнем отрывке из Евангелия: «Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви, и никого на дороге не приветствуйте [ступайте безоружными и несите в ваших глазах, в каждой частице бытия то, что вас захватило] <...>. И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат, и исцеляйте находящихся в нем больных [то есть несите новизну, которая врачует всякую болезнь, обитающую в том доме; это не преувеличение: когда преображенный человек входит в дом, он врачует любые недуги], и говорите им [по исцелении, потому что только тогда можно понять]: приблизилось к вам Царствие Божие» (Лк. 10, 3:9). Происходит событие, и люди обретают способность понимать содержание этой весты. Сначала происходит событие, а затем становится понятен смысл – становится понятен именно в силу события. Метод всегда был таковым, и сейчас он важен как никогда. Но мы – отец Джуссани не уставал нам об этом говорить – словно подменили, сами того не сознавая, то, что нас очаровало, чем-то другим.

В 1982 году, во время первых упражнений, состоявшихся после признания Братства Святейшим Престолом, отец Джуссани сказал: «Вы повзрослели, уверенно освоили свою профессию, но вместе с тем появилась, возможно, как бы отдаленность от Христа (в сравнении с эмоциями, которые вы испытывали много лет назад, особенно в определенных обстоятельствах) [иными словами, нет больше изначального трепета, не осталось эмоций, что были когда-то]. Не считая некоторых моментов, вы как бы далеки от Христа. Я имею в виду, что вы далеки от Христа, кроме тех моментов, когда молитесь [да и молитва часто превращается в своего рода довесок]; вы далеки от Христа, кроме тех моментов, когда беретесь творить дела во имя Его, во имя Церкви или Движения [за счет чего нам порой удается, как говорил кардинал Ратцингер, сократить дистанцию]. Христос словно далек от сердца. Можно повторить вслед за одним поэтом Рисорджименто: «Привыкшее среди забот бессонных к совсем другим делам», наше сердце словно обособлено, или, вернее, Христос остается обособленным от нашего сердца, кроме некоторых моментов, когда мы занимаемся определенными делами (когда молимся или работаем, когда устраиваем общее собрание или проводим школу общины и т.д.). Эта отдаленность Христа от сердца, преодолеваемая лишь в некоторые моменты, когда кажется осязаемым действие Его присутствия, порождает другую отдаленность, которая

обнаруживается в затруднении, возникающем между нами (я говорю в том числе и о мужьях и женах), в конечном обоюдном затруднении. <...> Отдаленность Христа от сердца отдаляет самое сокровенное в сердце одного человека от самого сокровенного в сердце другого, исключением являются лишь моменты совместных занятий (когда нужно вести дом, заботиться о детях и т.д.)» (L. Giussani. *La familiarità con Cristo. // Tracce. N. 2. 2007. P. 2*). Вот поэтому-то перед лицом вызовов мы начинаем беспокоиться: как говорится, нужно же что-то делать. Но от этого никакого толку, ведь у нас на глазах разрушаются все возможные очевидности, мы плавимся в горниле различных культур, религий, мировоззрений, называемом мультикультурализмом. В таком контексте пространству свободы, которое представляет собой Европа, угрожают те, кто насильственно желает насадить собственное видение вещей – вы могли убедиться в этом, когда сегодня утром развернули газеты и прочитали новости из Копенгагена. И я спрашиваю себя: находят ли люди, встречающие нас, нечто притягательное для их человечности, способное бросить вызов их разуму и свободе? Во многих господствует «великое ничто», «бездонная пустота». Сегодня мы убеждаемся в том, насколько это ничто заслонило собой любые другие очевидности. Ничто способно привлечь немалое число людей, чья жизнь, однако, зачастую заканчивается насилием. Каждый из нас, как и все наше общество, предстоит перед этим ничто, и необходимо проверять любой мыслимый ответ и смотреть, можно ли с ним подступить к этой пустоте. Все остальное – лишь попытка отвлечься от проблемы.

Как говорит отец Джуссани, первый бой разворачивается в нас самих. Если вера утратила для нас былую притягательность, если наше сердце оторвано от Христа, что же нам предложить другим? Если эта притягательность больше не сияет в нас и сквозь нас, если наше сердце отошло от Христа, неужели мы и правда думаем, будто сможем повлиять на описанную ситуацию, занимаясь прочими делами? С присущей ему пронизательностью, отец Джуссани подметил наши промахи и даже сегодня продолжает говорить нам: мы можем находиться здесь и делать кучу дел, но очарование прошло, и сердце оторвалось от Него.

В этом и заключается главная проблема, друзья мои. И поэтому нынешние исторические обстоятельства дают нам исключительный шанс. Может ли истина, которую мы несем, привлечь встречающих нас людей – привлечь настолько, чтобы пробудились и ощутили вызов их разум и их свобода? Задавшись таким вопросом, мы должны все больше углублять сознание о взаимоотношениях истины, разума и свободы. Уже не достаточно просто повторять эти слова, если нам не понятно, какая между ними связь и что мы подразумеваем под истиной, разумом и свободой. Как мы видим, другие люди тоже берутся защищать истину или утверждают, в силу определенной принадлежности, что именно они несут истину, при этом совершая во имя этой самой истины абсолютно неблагоприятные действия. Вот почему, если нет ясности в вопросе о связи истины, разума и свободы, любая принадлежность начинает вызывать подозрения. Одни и те же слова можно склонять по-разному. Если мы этого не понимаем и лишь повторяем их, нам не удастся внести в жизнь мира никакой реальной вклад, отвечающий на пустоту. Поэтому, как я уже сказал, необходимо осознать, каково отношение между истиной и свободой. В ходе христианской истории мы узнали: «достичь истины можно исключительно через свободу» (X. Каррон. *Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. Op. cit.*).

Крайне важно понять, что общего у этих двух понятий, в противном случае они останутся лишь на словах. Необходимо лучше разобраться в том, как истина способна привлекать свободу и приводить к свершению разум. Истина – это не определение и даже не доктрина, пробуждающая свободу другого лишь потому, что я ее утверждаю. Определение, как всегда говорил нам отец Джуссани должно выражать нечто уже

достигнутое, а иначе оно становится навязыванием той или иной схемы. Даже правильное определение, не открытое в рамках опыта, легко воспринимается людьми как навязанная схема и вызывает защитную реакцию. Ну а христианство – это не определение, «не теория Истины», выражаясь словами Гвардини. Христианство и «не толкование жизни. Оно и в этом тоже, но его сущностное ядро в другом – в Иисусе из Назарета, в Его конкретном существовании, в Его делах, в Его судьбе» (R. Guardini. *L'essenza del cristianesimo*. Brescia: Morcelliana, 2007. P. 11–12). Следовательно, истина – это личность. Вспомните диалог Иисуса с Пилатом: *Quid est veritas?* Что есть истина? *Vir qui adest*. Муж, здесь предстоящий, присутствие. Поэтому, как говорит папа Франциск, истину можно уловить лишь в рамках отношения, во встрече.

Кому как не нам понять это? Видео с выступлениями отца Джуссани – тому подтверждение. Для нас произошла встреча с отцом Джуссани. Христианство сообщается во встрече. Он сам говорил: «Сегодня не хватает не словесного или культурного повторения вестей. Современный человек ожидает, возможно неосознанно, опыта встречи с людьми, для которых факт Христа столь реален, что меняет их жизнь. [Достаточно вчитаться в эту фразу: «Сегодня как никогда человек, возможно неосознанно, ожидает опыта встречи с людьми, для которых факт Христа столь реален, что меняет их жизнь». Если жизнь не изменилась по-настоящему, мы можем даже повторять весть в словесных или культурных формах, но ничто не шелохнется ни в нас, ни в тех, с кем мы встречаемся]. Современного человека способно встряхнуть человеческое столкновение: событие, в котором отзывается изначальное событие, момент, когда Иисус поднял глаза и сказал: “Закхей, сойди скорее с дерева, Я иду к тебе домой”. Таким образом, тайна Церкви, передаваемая нам на протяжении двух тысяч лет, должна всегда вновь происходить по благодати, должна быть присутствием, которое нами движет, то есть движением, движением, которое в силу своей природы позволяет более человечно жить в той среде, где оно происходит [люди признают действие христианства, поскольку там, где оно присутствует, все становится более человеческим]. Для призванных происходит нечто сродни тому, чем были чудеса для первых учеников. Встрече с искупительным событием Христа всегда сопутствует опыт освобождения человека» (L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Milano: BUR, 2003. P. 23–24). Христианская встреча влечет за собой освобождение человека, это освобождающая встреча, встреча с истиной, пробуждающей свободу, привлекающей свободу, а значит, и освобождающей. Без освобождения нет христианской встречи.

Кьеркегор говорил: «Христианство – это экзистенциальное сообщение; задачей его является становление христианином или же умение продолжать им быть, а самая опасная иллюзия – быть настолько уверенным, будто ты и так им являешься, что тогда действительно главной задачей будет защищать весь христианский мир» от врагов «вместо того чтобы защищать веру внутри себя от всевозможных ошибочных представлений», связанных с врагами (С. Кьеркегор. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 654).

Нам не обойтись лишь культурным дискурсом, возвещением на уровне культуры. Будь этого достаточно, Богу не пришлось бы утруждать Себя Воплощением Собственного Сына, Он вполне мог бы отправить нам весть по почте! Однако Христос стал человеком, облекся в плоть и тем самым избрал определенный метод сообщения истины: отказавшись от какой бы то ни было власти, в которой не сияет истина, Он в беззащитности свидетельствовал о том, насколько истина притягательна. Поэтому, если мы не связываем принадлежность со свидетельством, нам сложно будет внести реальный вклад в жизнь наших братьев людей. Только благодаря свидетельству другие могут признать в нашей принадлежности

положительный вызов их разуму и свободе. Но притягательность истины, ее сияние произвожу не я: как мы слышали вчера во время литургии, лишь «тот, кто следует за Мной, получит во сто крат на земле». Изначальное очарование продолжается по мере реального следования. А следование видно по тому, насколько наше присутствие притягивает других: именно другие говорят нам, какой притягательной стала для них встреча со многими из нас.

Вот почему мне кажется, что статья, опубликованная в газете *Corriere della Sera* представляет собой обобщенное предложение, которое мы делаем самим себе и всем. «Перед лицом парижских событий любое противодействие во имя некоей идеи, пусть даже правильной, бесплодно». Без свидетельства, бросающего вызов свободе, человеку сложно восстать из пустоты, в которую он погружен. Поэтому проблема в том, чтобы та территория свободы, какой является Европа, была не «пустым пространством, лишенным предложений жизни», а местом, где можно свидетельствовать о притягательности истины, притягательности, вырывающей нас из ничто – нас в первую очередь, ведь мы первые отходим от Христа, даже оставаясь в Движении и занимаясь множеством разных дел, как напоминал нам в 1982 году отец Джуссани. Лишь так Европа станет «местом подлинной встречи многочисленных и многообразных предложений смысла», территорией свободы, «где можно высказываться по отдельности и вместе перед всеми, где каждый представляет всем остальным свою точку зрения и способ существования. Такое разделение жизни позволит нам встречаться на основании реального опыта каждого из нас и не отталкиваться от идеологических стереотипов, делающих диалог невозможным» (Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. *Op. cit.*).

Часто, однако, вышесказанное для нас неясно, а потому мы не понимаем и папу, не понимаем ни его тревог, ни его свидетельства. Мы не улавливаем значение его слов: «У истоков диалога <...> лежит *встреча*. Из нее рождается первое познание другого. Действительно, если исходить из предпосылки о нашей общей принадлежности *человеческой природе*, можно преодолеть предубеждения и ложные идеи и начать понимать другого в новой перспективе» (24 января 2015 г.). Но порой нам кажется, что этого слишком мало, и мы ищем, где бы срезать путь и как бы поскорее насадить истину, приводя тем самым других лишь в замешательство.

Исторические обстоятельства, в которых мы живем, представляют собой исключительную возможность углубить, прежде всего в нас, понимание того, *что* за истина нас привлекла. Мало твердить, будто истина стала плотью, если эти слова не проникают в нас, не определяют то, как мы пребываем в реальности, если мы не осознаем, что единственный способ сообщать истину называется свидетельством. Именно об этом говорит и папа: «Лишь так [через свидетельство] можно предлагать во всей ее силе, красоте, простоте освобождающую весть о Божией любви и о спасении, которое дарует нам Христос. Только это позволяет относиться к людям с уважением» (7 февраля 2015 г.). Таким образом, мы возвращаемся к ключевому вопросу, на который нам нужно ответить и который я задал вначале: «По-прежнему ли мы, христиане, верим в способность полученной нами веры привлекать тех, кого мы встречаем, верим ли мы в побеждающую притягательность ее беззащитной красоты?» В Послании на Великий Пост папа Франциск напоминает нам, что «миссия [Церкви] – это терпеливое свидетельство о Том, Кто хочет привести к Отцу всю реальность и каждого человека. Миссия – это то, о чем любовь не может умолчать. Церковь следует за Иисусом Христом по пути, ведущему к каждому человеку, до края земли» (Франциск. *Послание на Великий Пост 2015 года*. 4 октября 2014 г.).

Сегодня, как никогда, на карту поставлена вера. И именно поэтому мы собираемся на встречу с папой. Мы едем в Рим не на прогулку, а чтобы испрашивать веру, которая

находит точку опоры в отношении с Петром, едем в тот момент, когда кажется, что фигура папы вызывает у ряда христиан вопросы. Как мы уже сказали, принадлежность без следования ведет к замешательству, а следовать важно прежде всего ради самих себя. Поэтому «если человек идет в русле нашей истории не для того, чтобы разрешить самого себя, он создает проблемы и своей общине <...> и первый признак [этого в том, что] он не следует за центральным направлением Движения!» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Milano: Bur, 2007. P. 21–22), а значит, не следует и за центральным направлением Церкви. Если бы мы поступали таким образом, то превратились бы, как я написал в письме по случаю аудиенции, в одну из интерпретаций христианства, полагая, что ни в чем не нуждаемся, и подгоняя христианство под нашу мерку.

Мы все находимся перед лицом вызова, перед предложением, которое нужно проверить, и поэтому едем в Рим, как бедняки, спрашивающие веру. У нас есть целый год – десятый по счету со смерти отца Джуссани, чтобы просить его непрестанно заботиться о нас, помогая нам преодолеть отдаленность от Христа, ведь если мы не в состоянии постоянно вновь замечать притягательность, движущую нами, то что уж и говорить о том, как привести в движение других! «По отношению к другим мы можем действовать лишь от избытка того, что совершаем для самих себя, не более того» (*Ibid.* P. 22), – напоминал нам отец Джуссани.

Паломничество в Рим станет благом для всех, если каждый из нас в том месте, где находится, будет говорить о причинах этого жеста – о причинах, по которым мы просим, о нашей подлинной нужде. Мы едем к папе, поскольку без связи с ним невозможен опыт Движения. В основе этого опыта, как всегда напоминал нам отец Джуссани, лежит связь с хрупкостью Петра. Вне ее об опыте «Общения и освобождения» нечего и мечтать! Поэтому давайте помогать друг другу сознательно участвовать в этом грандиозном событии, переживая путешествие в Рим как паломничество.